

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ЦУСИМСКИЙ КРЕСТ.....	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10.....	61
Глава 11	67
Глава 12.....	73
Глава 13.....	80
Глава 14.....	86
Глава 15.....	92
Глава 16.....	98
Глава 17.....	104
Глава 18.....	111
Часть вторая. QUOD LICET JOVI.....	118
Глава 1	118
Глава 2	124
Глава 3	130
Глава 4	136
Глава 5	143
Глава 6	149
Глава 7	155
Глава 8	161
Глава 9	168
Глава 10.....	174

Глава 11	180
Глава 12	186
Глава 13	193
Глава 14	199
Глава 15	205
Глава 16	211
Глава 17	217
Глава 18	223
Часть третья. ЖРЕБИЙ БРОШЕН	231
Глава 1	231
Глава 2	237
Глава 3	243
Глава 4	250
Глава 5	256
Глава 6	262
Глава 7	269
Глава 8	275
Глава 9	281
Глава 10	287
Глава 11	294
Глава 12	300
Глава 13	306
Глава 14	312
Глава 15	318
Глава 16	324
Глава 17	331
Глава 18	337
Вместо послесловия	343

Часть первая ЦУСИМСКИЙ КРЕСТ

Глава I

Май–июнь 1906 года

— Сандро, если бы не покойный адмирал Фелькерзам, мы бы эту войну профукали, в чем я нисколько не сомневаюсь!

Наместник его императорского величества на Дальнем Востоке и Главнокомандующий сухопутными и морскими силами, великий князь Николай Николаевич затейливо выругался. Да так, что его собеседник в черном морском кителе только задумчиво покачал головой на такой «загиб» — двоюродный брат, даром что кавалерист, но ругался как заправский боцманмат, только с «лошадиным привкусом».

— На него смотреть было страшно, а находиться вблизи жутко. Запашок от Дмитрия Густавовича шел непереносимый, заживо сгнил. Но до последнего цеплялся, не ради жизни, давно умер телом, находился на флагман-

ском «Наварине» токмо для победы. И умер с улыбкой, когда «Микаса» взорвался и вместе с адмиралом Того на дно пошел — осколками изрешетило.

— Я вчера смотрел его фотографическую карточку, Николаша, — великий князь Александр Михайлович, пожав плечами, заметил гримасу, что промелькнула на лице Николая Николаевича. В его глазах мелькал затаенный страх — никому ведь не хочется такое пережить, чувствуя каждый день, как разлагается и смердит собственное тело. Тут остается только истово перекреститься и пробормотать молитву — «да минет меня чаша сия».

— Хорошо, что успел проститься с адмиралом. Жаль, со времен Нахимова флотоводца у нас нет. А те, что имелись, оба погибли, что Степан Осипович, что Дмитрий Густавович. Так тебе скажу: если бы не прорыв эскадры во Владивосток, армия бы с места не тронулась. Генералы и офицеры в полном унынии пребывали, а тут победа, что всех разом встряхнула. И не только армию — империю целиком. Я ведь на поезде ехал через всю Сибирь — видел, что в городах и на станциях творилось. И этими крестами ему обязан — грешно было не сокрушить японцев, имея вдвое больше батальонов.

Николай Николаевич фыркнул, прикоснувшись пальцами к большому белому кресту, лента с которым была повязана на шее. Моряк

только завистливо глянул на вожаки для любого военного награды. Полным георгиевским кавалером стал двоюродный брат, а таковых до него в русской императорской армии только четверо было, все фельдмаршалы, герои войны 1812 года — Кутузов, Барклай де Толли, Паскевич и Дибич.

И ведь сам заслужил, никаких разговоров о «породе» даже среди придворных не ходило, все понимали, что волевой и решительный «августейшей» наместник буквально заставил вверенные ему маньчжурские армии воевать по-настоящему. И дивизии, вдохновленные подвигами моряков, двинулись вперед, показав всем европейцам, то их разговоры о «паровом катке» и «казацких полчищах» отнюдь не пустой звук.

Четыре сотни полнокровных русских батальонов просто смели двести потрепанных неприятельских. Перевес в коннице оказался подавляющим — на один вражеский эскадрон приходилось полдюжины казачьих сотен, это, не считая регулярной кавалерии и приданных всем полкам инфантерии конно-охотничьих команд. Преследование разбитых японских армий велось живо и неотступно, по завету Суворова насчет «вырубаемого леса». Отстающие или рассеянные роты и даже целые полки недавних «победителей» под Тюренченом, Порт-Артуром, Вафангоу, Ляояном и Мукденом

безжалостно истреблялись острыми пиками и шашками — недаром командовавший забайкальскими казаками генерал-лейтенант Павел Карлович Ренненкампф получил прозвище «желтая смерть» из-за цвета лампас.

И досталась вся слава победителю, а ему, опоздавшему на войну, только зависть, которую приходилось тщательно скрывать. Ничего тут не поделаешь, когда у тебя нет ни подвигов, ни побед! А тут все по заслугам, и ничего сверх них, что для империи необычно!

Великий князь Николай Николаевич всю свою жизнь посвятил армии, окончил академию Генерального Штаба, десять последних лет занимал пост генерал-инспектора кавалерии. Боевой опыт приличный, полученный в войне с турками еще в 1878 году, тогда его наградили золотым оружием «за храбрость» и маленьким беленьким крестиком. А вот 3-ю степень ордена получил чуть ли не сразу же, стоило прибыть в далекую Маньчжурию... За прорыв оборонительных сыпингайских позиций в нескольких местах, по которым ударили сразу три армии. А вот большой крест уже был наградой за победное Мукденское сражение, когда всем стало ясно, что японцам теперь не устоять, слишком большим оказался перевес в силах над ними и велики потери — одних пленных низкорослых солдатиков насчитали двенадцать тысяч.

Золотое оружие с бриллиантами и надписью: «За отбитие Порт-Артура у неприятеля» стало достойной наградой не только за освобождение Квантунской области — японцы тогда не успели увести из Порт-Артура затопленные там корабли 1-й Тихоокеанской эскадры. Броненосец «Пересвет» и броненосный крейсер «Баян» они уже подняли, заделав пробоины, вот только времени просто не хватило — победа русской эскадры у Гензана и появление крейсеров у далеких берегов Квантуна сорвали самураям далеко идущие планы. А там подоспели сибирские стрелки с казаками и отбили корабли, недолго побывшие японскими трофеями.

Так что немислимого позора — видеть русские корабли под флагом Страны восходящего солнца — не случилось. И то ладно — слава богу, хватит «Решительного», что достался японцам в Чифу и уже под вражеским флагом был потоплен в Цусимском бою ровно год тому назад!

Правда, есть еще ложка пресловутого дегтя — в Чемульпо японцы подняли и увели на буксире затопленный там крейсер «Варяг». На переговорах русская сторона категорически потребовала возвращения крейсера, и теперь его ремонтируют узкоглазые в счет будущих репараций, согласно условиям мира, о которых договорились в далеком Портсмуте,

где посредником выступил сам президент САСШ Теодор Рузвельт.

Ничего, отдадут крейсер и территории как миленькие, армию свою сократят, выплаты произведут, ничего здесь им не поделать. Войну ведь проиграли, а тут действует древний принцип: горе побежденным!

— Ты не смотри так на мои кресты, Сандро, — усмехнулся Николай Николаевич, вот только глаза его сузились, делая лицо отдаленно похожим на азиата. — Свои получишь, когда над японским флотом победу одержишь. Думаю, соблюдать мирные договоренности самураи не станут, народ они злой и упрямый, а навязанный мир им хуже горшечного поражения. Считаю, что пошли они на него, чтобы флот свой восстановить, новыми кораблями его усилить. Потому Небогатова в столицу не отозвали — он мне здесь нужен. Ты уж прости, но это единственный наш адмирал, что победы одерживал...

— Ты думаешь, что японцы снова нападут? А как же договор?

— Пусть на него этот пройдоха Витте уповаает, а мы с тобою люди служивые! «Касима» и «Катори» на переходе, уже к Сингапуру подходят. Ты думаешь, что англичане просто так им еще парочку «чилийцев» продали, кредит на то выделив, да еще несколько крейсеров уступив? И нам руки Лондон выкручивал,

в Вэйхайвэй эскадру приведя для устрашения. Нет, все непросто так, только в Петербурге ничего не понимают, урок им не впрок пошел. Или не хотят понимать, что японцы лихорадочно готовятся к реваншу. Думаю, в октябре нападут — у них первые сроки выплат подходят, и Фузан должны Коджону отдать. А денег в казне нет, страна в долгах как в шелках. Новая война единственный выход, и на этот раз она пойдет иначе.

— Пожалуй, ты прав, Николаша — в каюткампаниях броненосцев о том разговоры идут. Но время еще есть, все лето впереди...

Глава 2

— Поверь мне, но скоро «Дредноут» станет именем нарицательным — против «первенца» нашего Джекки ни один броненосец не выстоит. А когда у нас будут эскадры из таких кораблей, наше полное господство на морях уже никто не сможет оспорить. Никто и никогда, мой *молодой друг*. Мир принадлежит нам, и это сомнению не подлежит, чтобы на этот счет не думали в Петербурге или Берлине. А мнение бывших колонистов вообще не интересует — придет время, и они опять станут служить нашим интересам.

Дым от кубинской сигары поднимался к потолку, прямо к отдушине, уходя туда сизой

струйкой. Каменное здание одного из старинных клубов, помнившее еще времена всевластного лорда-протектора, имело несколько таких кабинетов, где беседовали за сигарой и бокалом выдержанного бренди два джентльмена. Столь разных людей нельзя было представить дружески беседующими, ибо они принадлежали к враждующим в политической борьбе партиям. Тори и виги давно были высмеяны одним из знаменитых писателей «седой старины», хотя тот не сказал о себе главное, *по-таенное*. Ведь он сам принадлежал к одному из таких закрытых аристократических клубов, которые в политике Англии играли значительную роль, куда большую, чем дельцы Сити, масонские ложи или парламентские горлопаны.

Они были так не похожи друг на друга, эти два джентльмена, и кроме политических пристрастий их разделяла глубочайшая возрастная пропасть — один намного старше другого. К тому же старик являлся заслуженным моряком, с адмиральскими нашивками, прошедшим все океаны и долгое время бывшим «их лордством» в Адмиралтействе. А его собеседник — кавалерист, едва дослужившийся до лейтенанта в бурской кампании и бывший до этого газетным репортером. Но сейчас уже пребывавший на значительном посту в министерстве по делам колоний.

Да и пристрастия у них были разными — тридцатидвухлетнему *молодому другу* нравились житейские радости, которыми тот предавался, а седовласый лорд еле ходил, постоянно опираясь на трость даже во время выступления на парламентских дебатах. Дело в том, что полвека тому назад он получил при взятии одного затерянного на Тихом океане русского городка пулю в ногу, что навсегда сделало его хромым. Зато навсегда запомнил, кому обязан инвалидностью, а память у отставного адмирала была цепкая.

Однако между ними имелось гораздо больше схожего, что и объединяет таких людей в клубы, играющие огромную роль в той жизни *старой и доброй Англии*, что для других остается тайной за семью печатями. И первое, что сразу отличало их от других — благородное происхождение. Пожилой был уже четырнадцатым графом, а более молодой коллега имел отношение к аристократическому роду, увенчанному короной герцогов, знаменитого рода, прославленного своими воителями.

Именно готовность с оружием в руках защищать самую обширную империю мира, раздвигая ее пределы на все континенты, не только объединяла, она сплачивала одноклубников на многие десятилетия, а идею Великой Британии — на века. И все они прошли этот путь доблестно, сражаясь за «вечные

интересы» Англии везде, где только всходило солнце. И сейчас, отхлебывая бренди и покуривая сигары, они обсуждали темы, которые вроде бы относились исключительно к компетенции Форин-офиса, министерства по иностранным делам. Но таковы английские традиции — все, что сказано в клубах, имеет гораздо большее значение, чем дебаты в палате общин. Которые, кстати, и ведут парламентарии, но только после того, как произошло обсуждение *нужных тем* вот в таких аристократических клубах в табачном дыму неспешной беседы, между понимающими *изнанку событий* джентльменами.

— Потому скажу вам, *юноша*, следующее: Королевскому флоту броненосцы не нужны, хотя не спорю, что они стоят немалых денег. Дело в том, что многие из них списаны, хотя о том пока никто не догадывается, корабли вроде бы новые. Однако придут на их место эскадры *дредноутов*, а содержание огромного флота *уже сегодня устаревших* кораблей слишком расточительно. Наши восточные друзья потерпели поражение именно на море, а у русских огромная сухопутная армия, слишком сильная, чтобы ее недооценивать. Но теперь все пойдет по-другому — заключенный мир позволил подготовиться японцам гораздо лучше к новой войне, которая принесет им и нам, мой молодой друг, чего скрывать, гораз-

до лучший мирный договор с русскими. Ведь недаром в Риме говорили... Вот же — вылетело из головы!

— Si vis pacem, para bellum, — негромко произнес на латыни собеседник, и старик благосклонно ему кивнул седой головой:

— Да, именно так — хочешь мира, готовься к войне. Так что нам необходимо, чтобы японцы как можно скорее подготовились к этой войне, для которой им очень нужны наши броненосцы и крейсера. Не давать же им кредит на самом деле, чтобы они сами себе построили корабли. То дело долгое, к тому же нашим фунтам лучше здесь и остаться — в долг проще записать. Однако война должна начаться уже этим летом, лучше в июле, и будет совсем неплохо, если в самом начале месяца. Хотя, скажу вам откровенно, сдерживать наших низкорослых союзников не будем, если они нападут прямо сейчас.

— Я понимаю, сэр, но не проще ли было передать действительно устаревшие корабли, которые отслужили по десять-пятнадцать лет?

— Проще? Возможно и так, но у японцев слишком мало настоящих моряков, а потому для них важнее получить *стоящие* броненосцы и крейсера. На которые хватит подготовленных команд, и сами корабли ни в чем не уступают русским. Таковые у нас есть, и много, и передача их, как видите, прошла

вполне успешно. Да так, что русские заметили только то, что мы им зримо показали. И это стоит в будущем хороших выплат, а сейчас не принесет издержек. Скажу откровенно, мой молодой друг — Ройял Нэви придется сокращать, избавившись от устаревших кораблей. Потом настанет черед других, подобных тем, что мы передали в марте японцам. Их так и так придется все равно пускать на слом через семь, самое большое десять лет. Я говорил с Джекки — он намерен устроить большую «чистку авгиевых конюшен», как образно выразился. И за ним правота — один дредноут не победит отряд броненосцев, но вот эскадра одолеет любого нынешнего противника.

Старик замолчал, откинувшись на спинку кресла, отдышался — все же между ними чуть ли не полвека разницы в возрасте. Сидящий напротив него джентльмен почтительно помалкивал, дожидаясь нового спича, ведь пожилые люди любят поговорить, вспомнить былые годы — их нужно только уметь слышать и слушать, опыта не занимать.

— Заключение мирного договора было нужно, чтобы не придерживаться нейтралитета — союз между кайзером и царем опасен для британских интересов. Сейчас мы тоже не вмешаемся, зачем, если выводы сделали и ошибок больше не будет. К тому же русские объявили демобилизацию и уже отправили че-

рез всю Сибирь сотни эшелонов. Теперь им придется заново собирать солдат, а для этого нужно полгода, не меньше. А у них беспорядки в стране идут — отличный повод для недовольства. Да и не так страшен их «паровой каток», по большому счету — исход войны будет предопределен на море.

— Зная наши приготовления, я в том уверен, сэр. Однако осмелюсь заметить, что русские собрали на Тихом океане все свои корабли...

— Тем хуже для них — их порты на Балтике пусты, на Черном море полдесятка старых корыт, и только. Теперь подкреплений у них не будет, а свои поврежденные броненосцы не смогут отремонтировать. Флот собран в одном месте, где его можно прихлопнуть одним шлепком, как муху. И лишь тогда заключать мир, царь станет покладистым, но уже на других условиях.

— Я вас правильно понял, сэр, — молодой джентльмен наклонил голову — теперь для него все стало предельно ясно. Осталось уточнить только детали, чтобы переговорить с теми, кто важен...

Глава 3

— Это не мир, а война, лишь отсроченная на время. Причем весьма короткое время, до осени. Хотя...